

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.2>

UDC 94(470.22)“1917/1918”

ЛБС 63.3(4Фин)6

Submitted: 02.09.2020

Accepted: 04.08.2021

**POLITICAL VIEWS AND POSITIONS OF THE RUSSIAN SERVICEMEN
IN FINLAND AT THE FINAL STAGE OF THE FIRST WORLD WAR
(SPRING – SUMMER 1917)¹**

Elena Yu. Dubrovskaya

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the spring and summer of 1917 changes in the former autonomous Grand Duchy of Finland determined the history of relations between Russia and Finland for decades to come. The purpose of the article is to show changes in the political views and positions of the Baltic sailors and the army servicemen, who were elected to democratic organizations of the Russian military at the final stage of the First World War. *Methods and materials.* The article is based on the results of long standing study of issues, dealing with the stay of the Russian armed forces in the Grand Duchy of Finland, and follows the theoretical developments of V.D. Zimina, B.I. Kolonitsky, E. Mawdsley, A. Wildman on the problems of the Russian revolution of 1917. It uses a historical and anthropological approach to the research of the role of the military factor in the history of Russia and Finland in the 20th Century. *Analysis.* Reviewed archival documents and published sources indicate that immediately after the February Revolution active party organizations in the units were either a rare exception or experienced a stage of formation, which affected the actions of the primary personnel of the Soviets, as well as soldier's and sailor's committees. During the spring months voters' political sympathies were closely associated with the Socialist Revolutionaries as the most popular party in Russia. However, by the summer of 1917 the readiness of the socialist leaders of the Socialist-Revolutionary Party and the Mensheviks to continue the war increasingly contradicted the interests of ordinary servicemen. The question of how the activities of the Soviets and committees of this period fit into the rope of events that became the “prologue” of the Civil War in Russia has been investigated. It is pointed out, that such measures include the abolition of the old apparatus of power, the refusal to comply with the orders of the military authorities, not agreed with soldier and sailor organizations, assistance in the deployment and strengthening of the political union of the Bolsheviks and left-wing groups of socialist parties, support provided to the radical wing of the Finnish social-democracy. *Results.* The study of socio-political transformations that took place in the Russian military community during the period under review and predetermined changes in the views and positions of the Russian servicemen in Finland allows us to conclude the following. In the spring and summer of 1917 leaders of the Soviets and committees still managed to accumulate a certain experience of “inter-party” interaction. It was first noted that that in the course of the revolution development representative organizations of sailors and the army men just during these months were prepared for an independent line of behavior and sometimes outpaced the protest actions of military personnel in the Russian capital.

Key words: Russian revolution of 1917, Finland, servicemen, Soviets, committees, political views and positions, socio-political transformations.

Citation. Dubrovskaya E. Yu. Political Views and Positions of the Russian Servicemen in Finland at the Final Stage of the First World War (Spring – Summer 1917). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 20-34. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.2>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ПОЗИЦИИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ В ФИНЛЯНДИИ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ВЕСНА – ЛЕТО 1917 г.)¹

Елена Юрьевна Дубровская

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация

Аннотация. Весной – летом 1917 г. в бывшем автономном Великом княжестве Финляндском рождались перемены, определившие историю взаимоотношений России и Финляндии на десятилетия вперед. Цель статьи – показать изменения политических взглядов и позиций балтийских моряков и армейцев, входивших в выборные демократические организации российских военных на заключительном этапе Первой мировой войны. В статье использован историко-антропологический подход к изучению роли военного фактора в истории России и Финляндии в XX веке. Архивные и опубликованные документы свидетельствуют, что сразу после Февральской революции активные партийные организации в частях были либо редким исключением, либо переживали стадию становления, что отразилось на деятельности первых составов Советов и солдатских, и матросских комитетов. На протяжении весенних месяцев политические симпатии избирателей были тесно связаны с эсерами как наиболее популярной партией в России. Однако к лету 1917 г. готовность лидеров социалистических партий эсеров и меньшевиков к продолжению войны все больше приходила в противоречие с интересами рядовых военнослужащих. Изучение социально-политических трансформаций, происходивших в среде российских военных в рассматриваемый период и предопределивших перемены в их взглядах и позициях, позволяет заключить следующее. Весной – летом 1917 г. руководители Советов и комитетов все же сумели накопить определенный опыт «межпартийного» взаимодействия. Впервые отмечено, что в ходе развития революции представительные организации моряков и армейцев в этот период оказались подготовлены к проведению самостоятельной линии поведения и порой опережали протестные действия военнослужащих в российской столице.

Ключевые слова: Российская революция 1917 г., Финляндия, военнослужащие, советы, комитеты, политические взгляды и позиции, социально-политические трансформации.

Цитирование. Дубровская Е. Ю. Политические взгляды и позиции российских военных в Финляндии на заключительном этапе Первой мировой войны (весна – лето 1917 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 20–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.2>

Введение. Для изучения роли военного фактора в истории России и Финляндии в XX в. представляет интерес проблема «человек на войне», в русле которой предпринято настоящее исследование. В дальнейшей разработке нуждается ее аспект «революция и человек», связанный с изменением политических взглядов и позиций моряков-балтийцев, солдат и офицеров финляндских гарнизонов в обстановке общественных потрясений Российской революции 1917 года. Революция и Гражданская война в России были вызваны как комплексом масштабных объективных и субъективных причин, обусловленных спецификой предшествующего развития страны, так и Первой мировой войной, а в какой-то мере, по заключению московского

историка С.В. Леонова, и «определенной логикой модернизации, развития политического процесса в мире, преломившегося сквозь призму отечественных условий» [17, с. 20].

В 1917 г. российским войскам, оставшимся в Финляндии, на северо-западном рубеже воюющего государства, суждено было сыграть далеко не последнюю роль акторов революции, повлиявших на ход и исход политических трансформаций на Севере Европы. Общее количество размещенных здесь сухопутных войск во время Российской революции 1917 г. составило около 100 тыс. чел.; вместе с личным составом команд Балтийского флота численность солдат и матросов достигала 125 тыс. чел. [41, с. 173, 180].

Воздействие общероссийского революционного процесса на отношения внутри российских войск, дислоцированных в Финляндии, не было односторонним. Военнослужащие финляндских гарнизонов активно включались в движение демократического, антивоенного, антибуржуазного и прочих взаимопроникающих потоков, повлияв на системные изменения в социальных и политических институтах Российского государства. Хотя Финляндская революция и революция в гарнизонах изучались достаточно активно, прежде не делались попытки на материале деятельности Советов и комитетов в финляндских войсках рассмотреть события весны – лета 1917 г. как этап единого процесса, объединившего Российскую революцию 1917 г. и последовавшее гражданское противостояние в российском и финляндском обществе.

Дискуссия. В советской исторической науке было принято оценивать дислоцированные в Финляндии армейские и флотские части, которые именовались финляндскими войсками, исключительно как «боевой резерв революционного Петрограда». Массовая радикализация («большевизация») русских Советов Гельсингфорса (Хельсинки), Або (Турку), Таммерфорса (Тампере), Выборга осенью 1917 г., которая облегчила достижение финляндской независимости, также исследована достаточно подробно [13, с. 111–203].

Долгое время в отечественной науке доминировал тезис о «петроградоцентричности» революционного процесса, и все происходившее в стране рассматривалось как ответ на импульсы из мятежной столицы, полученные в одностороннем порядке. Современные исследователи отмечают самостоятельную революционную линию, осенью 1917 г. проводившуюся матросами балтийских военно-морских баз и солдатами гарнизона бывшей великокняжеской столицы Гельсингфорса [1; 16, с. 279–281]. Историки уделили пристальное внимание первым дням и неделям Февральской революции на Балтике – в Кронштадте и на военно-морских базах в Финляндии, прежде всего, кровавым эксцессам в Гельсингфорсе, которые повлекли за собой гибель десятков офицеров Балтийского флота в начале марта 1917 г. [21, с. 180–191; 37]. Не были обойдены вниманием создававшие-

ся в атмосфере революционной эйфории солдатские и матросские комитеты, Советы, общественно-демократические организации, офицерские союзы [1; 14].

В последние годы в отечественной исторической науке стал утверждаться подход к осмыслению событий Великой российской революции 1917 г. и Гражданской войны в качестве единого революционного процесса [4, с. 41]. Влияние 1917 г. на события Гражданской войны настолько велико, что их невозможно отделить друг от друга. Как и по всей стране, в финляндских войсках после Февральской революции резко ускорилось накопление «горючего материала» для Гражданской войны [14, с. 15].

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в интерпретации фактов, которые свидетельствуют об опережающих действиях руководства выборных армейских и флотских организаций, без согласования с которым не могли выполняться приказания высшей центральной власти, и противоречат устоявшимся представлениям, актуализируя «региональную повестку» развития событий. Автор статьи ставит целью показать изменения политических взглядов и позиций балтийских моряков и армейцев, входивших в выборные демократические организации российских военных весной – летом 1917 г., и проследить, в какой мере их во многом самостоятельная линия поведения, продемонстрированная в начале осени, была подготовлена опытом предшествующих революционных месяцев.

Методы и материалы. В качестве базового для разработки темы применен историко-антропологический подход к изучению роли военного фактора в истории России и Финляндии в XX в., который позволяет обратиться к исследованию социально-политических трансформаций, в том числе в контексте выявления особенностей представительной демократии в финляндских войсках весной – летом 1917 года. В теоретическом плане работа основана на наблюдениях Л.А. Рябовой, заметившей, что социальная трансформация «включает не любой процесс социальных изменений, а лишь переходный по отношению к любой конкретной форме социума» и находит выражение в «явлениях переходного периода» [35, с. 33]. Справедливо заключение боль-

шинства авторов о том, что «в отличие от эволюции, развития, модернизации и других типов изменений, трансформациям присущи характеристики качественных изменений системобразующих элементов, многовекторность, относительно высокие темпы, нередко значительное влияние на них субъективных факторов» [22, с. 6]. Вслед за В.Д. Зиминной мы опираемся на данную ею характеристику политических преобразований в революционной России, которые были направлены «на качественные изменения базовых политических институтов и социальной структуры», проявились в участии и борьбе за власть разнородных слоев населения, «различавшихся как уровнем социального статуса, так и культурно-политическими интересами и ценностными позициями», а также «в преимущественно локальном характере борьбы разнонаправленных сил за свои интересы», что препятствовало «ее перерастанию в полномасштабную борьбу» [11, с. 119–120].

Обширная источниковая основа избранной темы дает возможность привлекать в исследовательской практике не только официальные распоряжения, протоколы заседаний солдатских и матросских комитетов, резолюции и постановления (как опубликованные, так и хранящиеся в фондах РГА ВМФ и Национальном архиве Финляндии). Интересны свидетельства, сохранившиеся в дневниках и воспоминаниях военнослужащих, тех, кто весной – летом 1917 г. были избраны в Советы и комитеты разного уровня. Уникальным источником являются письма солдат, матросов и офицеров нижнего звена, многие из которых имели мандаты представительных демократических организаций, в редакции русских газет, выходивших в финляндской столице, в гарнизонных городах Або и Выборге. Весьма примечательны их обращения в редакцию «Известий Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих», обнаруженные в РГА ВМФ и коллекции «Русские военные бумаги» из Национального архива Финляндии.

Особенностью дел, составивших эту обширную коллекцию, зачастую является отсутствие сплошной нумерации листов, что не позволяет указать их общее количество, порой документы внутри дела не подшиты. Од-

нако в случае с письмами это придает источнику особую ауру, позволяющую острее почувствовать «аромат эпохи» [23].

Анализ. Массовое появление комитетов на кораблях Балтийского флота и в войсках находившегося в Финляндии 42-го армейского корпуса началось с распространением Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта 1917 года.

Во главе Петроградского Совета – «альтернативной» власти – с самого начала стояли социалисты – меньшевики и эсеры, которые были радикальны, в том числе и в своей антикапиталистической позиции. В соответствии с Приказом вся власть в воинских частях переходила в руки избранных солдатами комитетов, и выполнение его пунктов последовательно подводило солдат к выборному началу в армии. В принятии Приказа № 1 в ходе Февральской революции была своя логика, это завершало ее победу, но ценой разрушения вооруженных сил.

Почти во всех морских и сухопутных финляндских гарнизонах за несколько недель возникли выборные комитеты, явочным порядком осуществлявшие «демократизацию» войск. Своей основной задачей они считали поддержку совершившейся революции и установление контроля в армейских частях и на кораблях Балтийского флота. Примечательно, что первоначально не существовало ясного разделения полномочий между финляндскими гражданскими властями и русскими военными организациями [39, с. 66]. Поэтому армейские и флотские Советы не только распоряжались в войсках, но и занимались проблемами русского населения в Финляндии, часто даже брали на себя обязанности поддерживать порядок среди финнов. Однако созданная в Гельсингфорсе финская рабочая милиция, во главе которой стоял один из лидеров революционного движения в Финляндии Густав Ровио, отказалась сотрудничать как с органами контрразведки 42-го армейского корпуса, так и с секцией охраны народной свободы Гельсингфорсского Совета.

По воспоминаниям унтер-офицера Свеаборгского крепостного пехотного полка Г.Л. Звонарева, также избранного в исполком сразу после создания Гельсингфорсского Совета, революционеры, выдвинутые переворо-

том, в первые недели марта работали там «день и ночь, не чувствуя усталости, забывая даже, что нужно иногда и кушать... Тогда не было партий – все представляли из себя одну партию, все были объединены около одного: добытую свободу удержать и не дать восторжествовать нашим врагам». Однако через месяц возник вопрос о недоверии к исполнительному комитету, и выборы в Исполком II созыва состоялись уже с привлечением представителей политических партий. «Начались партийные ссоры, разногласия, появились “инциденты”, – пишет Звонарев, – но уже прежней работы, такой страстности к делу не было» [10, с. 22–23].

Флаг-офицер штаба командующего флотом капитан 2-го ранга И.И. Ренгартен, избранный моряками в исполком Гельсингфорсского Совета в первые мартовские дни, был увлечен идеями о справедливости и социальной эволюции. В его дневниковых записях того периода отразились настроения, разделяемые людьми его круга: «сам, в глубине души, целиком сочувствуешь не только освобождению, но и социальным реформам на основе этого освобождения». Однако уже в середине апреля в дневнике появилась запись: «впечатление анархии». По словам Ренгартена, «в глазах толпы матросов потеряли авторитет не только офицеры, но и “Исполнительный Комитет...”». «Как назвать все это, если не анархией? И что делается в темном мозгу иного матроса. Он знает только, что ему не грозит наказание, что нет над ним больше никакой власти. И как назвать тех, что толкает его на раздор и смуту, – негодует автор дневника. – Вообще все наши благонамерения “о железной дисциплине” полетели кувырком. Послушания нет вовсе, и управлять людьми (конечно, на службе) становится почти невозможным» [7, л. 20 об.–22].

Активные партийные организации в частях были в этот период либо редким исключением, либо переживали стадию становления. Так, 10 апреля на заседании Совета депутатов флота, армии и рабочих района Ганге-Лапвик его председатель Булдырев заявил, что на одном из кораблей выражено недовольство Советом, «поскольку ни он, ни исполнительный комитет не занимаются политическими вопросами». Выяснилось, что Совет и

тем более комитет «за массой текущих дел совершенно не в состоянии решать еще и политические вопросы, да это и не входит в их задачи». Отметив, что подобные вопросы вызывают «общий громадный интерес», Совет признал желательным образование в Ганге (Ханко) партийных организаций, которые как раз могли бы ими заняться. До создания таких организаций решено было «собирать митинги для обмена мнениями и освещения политических вопросов» [31].

В первоначальном составе солдатских и матросских выборных организаций в Финляндии, отразившем соотношение партийных сил, преобладание получили эсеры как самая многочисленная партия на флоте и самая популярная политическая партия в России на протяжении всего 1917 года. В Гельсингфорсской военно-морской базе, как и в гарнизоне, позиции партии были очень сильны. В середине мая здесь оформилась организация левых эсеров. Состав и деятельность гельсингфорсской большевистской организации изучены в советской исследовательской литературе достаточно подробно, поскольку историки имели в своем распоряжении источниковую базу, не сопоставимую по полноте с сохранившимися документами организаций эсеров или меньшевиков. В Гельсингфорсе большевики численно превосходили меньшевиков, но уступали эсерам.

Весной 1917 г. солдатские и матросские Советы и комитеты все больше сознавали себя как власть и решительно вмешивались в жизнь своих частей и соединений, выступали против внешнеполитического курса Временного правительства с его верностью союзническому долгу и ориентацией на продолжение войны, длившейся уже четвертый год. Мартовские резолюции Гельсингфорсского Совета были проникнуты настроениями «революционного оборончества». Такая политика, проводимая умеренным руководством Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, отдавала предпочтение спокойным переговорам для получения уступок от правительства, требованиям мира «без аннексий и контрибуций» и одновременно была нацелена на поддержание боеспособности армии [5, с. 71–72]. К середине апреля становятся заметными перемены в политической

позиции Совета, особенно отчетливо обнаружившиеся на пленарном заседании 21 апреля в ходе обсуждения дипломатической «ноты» министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова.

Опубликованная 18 апреля «Нота Милюкова» заверила союзников, что Россия будет продолжать войну «до полной победы», и вызвала конфликт в российском обществе [38, с. 159–160]. Вслед за рабочими и солдатскими демонстрациями 20–21 апреля на улицах Петрограда возник бурный протест в финляндских войсках. Газета гельсингфорских большевиков «Волна», созданная незадолго перед этим, призывала своих читателей: «Идите вперед как революционные войска и рабочие Петрограда, которые снова выступили первыми на улицы великой столицы... Да здравствует единая власть самого народа через Всероссийский Совет солдатских, рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!» [8].

21 апреля на экстренном заседании Совета по вопросу об отношении к правительству в связи с «Нотой Милюкова» обнаружилось открытое противостояние между его руководителями, принадлежавшими к партиям эсеров и меньшевиков, и большевистской фракцией. «Настало время для ухода империалистического правительства, не исполняющего воли народа... Никакие уступки Временному правительству недопустимы», – гласила резолюция, выразившая под влиянием большевиков недоверие правительственной власти и заверившая, что армейские и флотские депутаты ждут «только решения Петроградского Совета» и обещают «в любой момент поддержать вооруженной силой требование об уходе Временного правительства». Примечательно единодушно одобренное Общим собранием заявление о возмущении депутатов «Нотой Милюкова», о готовности «всею своей вооруженной мощью поддержать все революционные выступления Петроградского Совета и по первому его указанию свергнуть Временное правительство». В Петроград была отправлена телеграмма с просьбой немедленно известить о положении дел в столице [25].

Нельзя не согласиться с заключением петербургского историка Б.И. Колоницкого о том, что «всякий серьезный политический

кризис чреват революцией», а «любая революция – потенциальная гражданская война». Предчувствуя ее, общество противится братоубийственному конфликту и старается погасить очаги войны [15, с. 107]. Уже на следующий день после принятия резолюции о недоверии Временному правительству исполком Совета запретил манифестации против правительственной «ноты». Депутаты подчинились указанию исполкома Петроградского Совета, потребовавшему от всех Советов, армейских и флотских комитетов воздержаться от самостоятельных выступлений, а решение большевиков организовать демонстрацию встретило в Совете ожесточенный отпор [26].

В эти дни Совет добился разрешения командующего флотом А.С. Максимова о списании с линейного корабля «Гангут» офицеров, причастных к судебному процессу над восставшими моряками в 1915 году. Руководители Совета заявили командующему, представителю правительственной власти на флоте, что деятельность «старой и новой власти» может быть совместной лишь «в той степени, в какой командующий пойдет навстречу Совету» [25]. Конфликт между комитетами и командным составом становился продолжением начавшихся в дни февраля антиофицерских выступлений, которые можно считать необычайно важным политическим процессом, по своему значению сопоставимым с борьбой против «буржуазии» [16, с. 249].

Именно в дни Апрельского кризиса матросская секция исполкома приняла решение о создании выборного демократического органа управления флотом – ЦКБФ. 23 апреля, обсудив вопрос о передаче дел бывшего жандармского военного управления от действовавшей в Совете секции охраны народной свободы судебному следователю и контрразведке 42-го армейского корпуса, исполком постановил: «Дело охраны народной свободы ни в коем случае не может быть передано в руки чиновников, назначенных Временным правительством» [24].

2 мая в российской столице начались переговоры о формировании и программе нового коалиционного правительственного кабинета, в состав которого предполагалось ввести и представителей социалистических партий. С его образованием 5 мая завершился

ся Апрельский политический кризис. В Гельсингфорском Совете прения об отношении к коалиционному правительству длились два дня и закончились 3 мая принятием постановления о полном доверии и поддержке правительства с участием социалистов. Фракция большевиков опубликовала в «Волне» и выпустила отдельной листовкой резолюцию, не принятую Советом. В проекте, предлагавшемся большевиками, решение Петроградского Совета, который поддержал коалиционное правительство, признавалось недопустимым, опасным и ошибочным, поскольку «революция и контрреволюция нигде и никогда не будут иметь точек соприкосновения и соглашения» [26]. «Двоевластие» неизбежно вело к новому взрыву и новым кризисам.

Следует отметить, что в финляндских морских и армейских частях и подразделениях далеко не каждый проявлял интерес к политике. Многие рядовые и офицеры были поглощены исполнением своих служебных обязанностей даже в самые кульминационные моменты революционного взрыва, а для некоторых наступившая свобода означала свободу пренебрегать этими обязанностями ради веселого времяпрепровождения. Однако, как и повсеместно, в войсках, дислоцированных на территории Финляндии, находились люди, чье участие в выборных органах представительной демократии было мотивировано искренним стремлением послужить для общего дела, иногда – надеждой воспользоваться возможностями «социального лифта», которые предоставлялись работой в легитимных органах власти в воинских частях, а порой и желанием избежать трудностей повседневной службы на кораблях и в гарнизонах. В исследованиях американского историка А. Уайлдмана использован термин «комитетский класс», обозначающий сообщество руководителей новоизбранных демократических организаций, которое состояло из подготовленных для такой деятельности представителей интеллигенции и крестьян в верхних эшелонах военных комитетов действующей армии [20; 40; 42].

Б.И. Колоницкий отмечает, что без этого «комитетского класса», сформировавшегося весной – летом 1917 г. и противостоявшего старой элите, нельзя представить приближав-

шуюся Гражданскую войну. Большинство из комитетчиков были беспартийными и политизировались уже в ходе революции, но их военный и революционно-политический опыт, а также управленческие компетенции, приобретенные во время пребывания во власти, становились «важным источником их авторитета в тех местах, где они формировали свои отряды» [14, с. 17]. Примером может служить политический портрет полковника М.С. Свечникова, который с января 1917 г. занимал должность начальника штаба 106-й пехотной дивизии, с февраля работал в партии эсеров, а во время революции стал одним из делегатов от гарнизонного комитета г. Таммерфорсе (Тампере), которым поручалось установить контакты с местными социал-демократами.

«Примерно с июня, – вспоминал Свечников, – началось тайное инструктирование и подготовка к строевой службе финских рабочих, которые велись по ночам в рабочих домах города под моим и русских инструкторов руководством». Для обучения рабочих комитету Социал-демократической партии Финляндии было выдано три сотни сверхкомплектных винтовок [36, с. 12–13]. Во время гражданской войны в Финляндии, вспыхнувшей в январе 1918 г., Свечников командовал добровольческими отрядами, выступавшими на стороне красных [6; 34].

Нельзя не согласиться с американским историком А. Уайлдманом в том, что зачастую руководители комитетов по своему уровню образования, мировоззрению, социальному статусу были намного дальше от рядовых солдат и матросов, избранных в демократические представительные институты, чем от своих «политических оппонентов из привилегированной России» – от кадетов до правых. Таковую естественную отчужденность лидеров Советов и комитетов от основного депутатского корпуса и тем более от массы избирателей в шинелях и форменках исследователь назвал одним из парадоксов Российской революции 1917 года [42, с. 1].

Знакомство с биографией социал-демократа писателя С.А. Гарина (Гарфильда), служившего на флоте с 1905 г. (с 1916 г. в чине прапорщика по адмиралтейству), ставшего мичманом в 1917 г. и весной избранного председателем Гельсингфорского Совета, позво-

ляет увидеть, насколько порой отличалась траектория жизни представителей «комитетского класса» от обычного жизненного пути рядовых военнослужащих [9, с. 142; 18, с. 122].

В сложившейся системе двоевластия заключался огромный риск гражданской войны. Непрочность относительного гражданского мира, установившегося в обществе после Февральской революции, современники особенно остро почувствовали уже в дни Июньского кризиса. Для уставших от войны солдат действующей армии вопрос о мире стал одним из самых жгучих и наболевших политических вопросов. В конце мая солдаты Выборгского гарнизона дважды приходили на заседания I армейского съезда 42-го корпуса, угрожая разогнать «контрреволюционный съезд», если «там хоть один голос будет говорить о наступлении» [13, с. 78].

В это время на Сенатской площади Гельсингфорса регулярно проводились насчитывавшие до 20 тыс. человек воскресные митинги военнослужащих и русских рабочих. 21 июня присутствовавшие на таком митинге «единогласно» высказались против одобренного Петроградским Советом наступления на фронте, которое началось 18 июня по приказу Временного правительства. Участники митинга потребовали удаления из кабинета «10 министров-капиталистов» и немедленной передачи всей власти съезду Советов. В тот же день сходные требования выдвинула команда линейного корабля «Петропавловск», которая также настаивала на заключении отрекшегося Николая II в Кронштадтскую крепость, упразднении Государственной Думы и Государственного Совета как «царских правительственных органов» и опубликовании тайных союзнических договоров. В противном случае через 24 часа моряки грозили направить линкор в Петроград и поддержать свой ультиматум силой оружия [2, с. 101–103]. Характерно занесенное в дневник замечание И.И. Ренгартена о том, что еще 10 июня на демонстрации в Гельсингфорсе матросы «Петропавловска» несли «черное знамя с Адамовой головой и надписью “Смерть буржуйам!”» [7, л. 26].

Все пункты резолюции команды «Петропавловска», за исключением последнего, ультимативного требования, 23 июня были поддержаны матросской секцией Гельсинг-

форского Совета. Однако на другой день депутаты Общего собрания 217 голосами против 64 при 32 воздержавшихся одобрили внесенную фракцией эсеров резолюцию капитана К. Термикелова в поддержку начавшегося наступления и вслед за Петроградским Советом обещали свою помощь фронту [27].

«Страстный характер» носили и прения по вопросу об отношении к наступлению, обсуждавшемуся 23 июня на заседании дивизионного комитета 128-й пехотной дивизии. Одни высказывались в поддержку наступления как ведущего «к желанному миру и к укреплению нашей свободы», другие были против «какого бы то ни было наступления, при каких угодно обстоятельствах, против этой человеческой бойни». В резолюции, принятой большинством голосов, подчеркивалось, что начатое наступление «ведет к отвлечению сил и внимания русского народа от революции», «организует и укрепляет контрреволюцию в России». Депутаты выразили протест против наступления и предложили проходившему в эти дни I Всероссийскому съезду Советов остановить его и принять меры к скорейшему окончанию войны [3, с. 60].

Беспокойшее очевидцев предчувствие приближающейся гражданской войны отразилось в дневниковой записи Ренгартена от 25 июня: «после сообщения о наступлении 18 июня в Гельсингфорс из Петрограда пронесся слух, что Керенский убит (он на фронте)». «Теперь я узнал, что это неправда», – отметил офицер, завершив свои рассуждения напряженным вопросом: «Будет или не будет у нас гражданская война? Кажется, избежать ее очень трудно» [7, л. 26 об.]

Отчетливо проявившееся своеобразие политической обстановки в Гельсингфорсе позволило британскому исследователю И. Модсли назвать резолюции, принятые здесь русскими Советами и комитетами уже в конце июня, «настоящим началом Июльских дней на флоте», а события, случившиеся две недели спустя, – его логическим продолжением [40, р. 61]. По справедливому заключению историка, настроения русского Гельсингфорса к этому времени резко приняли влево, хотя большевики чаще следовали за движением рядовых военнослужащих, нежели были его вдохновителями [40, р. 66].

4 июля, когда большевики в Петрограде при содействии анархистов предприняли настоящий штурм власти, состоялось объединенное собрание общественных организаций Гельсингфорса, где Совет был представлен его исполкомом. Оно приняло с незначительными редакционными поправками резолюцию, предложенную большевиками, которая отмечала необходимость перехода всей власти к ЦИК Советов и образования ответственного перед ним исполнительного органа. Подтвердив требование, выдвинутое демонстрантами в российской столице, руководящие военные организации Финляндии вполне определенно выразили стремление воздействовать на политическую позицию центральных органов Советов. Несмотря на численное преобладание эсеров и меньшевиков в составе депутатского корпуса, Гельсингфорский Совет поддержал решение, расходившееся с официальными установками этих социалистических партий. В.Н. Залежский, который представлял на этом заседании городскую большевистскую организацию, подчеркивает факт сильного давления на Совет со стороны «матросской и солдатской массы», что повлияло на результаты голосования [9, с. 168].

Центральное руководство Советов, состоявшее из умеренных социалистов, категорически отказалось создать свое правительство «без буржуазии», поскольку это могло спровоцировать гражданскую войну и привести к власти крайне левых. Совместными усилиями правительства и Советов выступление большевиков, организовавших вместе с анархистами политическую демонстрацию в Петрограде, было подавлено [15, с. 99–100].

Вслед за полученными из столицы разъяснениями Гельсингфорский Совет выступил теперь с осуждением демонстрации и одобрением правительственных мер. 6 июля большинство его депутатов отказалось поддержать решение ЦКБФ (Центробалта) о приостановке издания газеты гельсингфорских кадетов «Общее дело» и «задержании буржуазной прессы», поступающей в финляндскую столицу. 146 голосов против 107 было подано за резолюцию капитана И. Чекоидзе, которая предлагала Центробалту аннулировать свое постановление и просить ЦКБФ и «товарищей большевиков воздержаться от всяких мер

против свободы слова и свободного распространения газет» [28].

Совет выступал организатором важнейших политических кампаний в Гельсингфорсе, в середине августа впервые большинством голосов его депутатов была принята большевистская резолюция по вопросу о независимости Финляндии. Партия эсеров, остававшаяся самой влиятельной в России, продолжала сохранять свои позиции в большинстве армейских частей на территории бывшего Великого княжества, тогда как флот определенно отдавал симпатии блоку большевиков и левых эсеров.

Антиправительственное выступление возглавлявшего тогда русскую армию генерала Л.Г. Корнилова, предпринятое в конце августа 1917 г. и оказавшееся неудачной попыткой ведения в России военной диктатуры для ликвидации двоевластия в стране, окончательно подорвало блок между политическими силами умеренных социалистов и либералов. События 27–31 августа, когда разворачивался заговор консервативных кругов российского общества против советских учреждений и социалистических партий с целью пресечения деятельности левых радикалов, современной исторической наукой расцениваются как трагические. После корниловского мятежа в условиях постоянного ухудшения социально-экономической ситуации в стране, падения авторитета правительства и радикализации Советов и комитетов гражданская война в России стала неизбежной.

Еще до начала корниловского выступления депутаты Гельсингфорского Совета на общем собрании 26 августа заявили об угрозе «как со стороны поднявшей голову контрреволюции», так и со стороны перешедших в наступление германских войск, а также «величайшей опасности – охватившей Россию разрухи, которая грозила стране голодом» [29]. Накануне состоялся многотысячный митинг матросов и солдат на Сенатской площади в Гельсингфорсе. Как записал в дневнике И.И. Ренгартен, он проходил под лозунгами: «Долой Временное правительство, Советы, Керенского, буржуазию – все долой!» [32, с. 11].

В Гельсингфорсе после получения первых известий о начавшемся выступлении Корнилова были приняты экстренные меры, во

многих местах вновь укрепившиеся Советы создавали революционные комитеты (ревкомы). 28 августа при Гельсингфорском Совете, Областном комитете Финляндии и Центробалте создается Военно-революционный комитет (ВРК) под председательством левого эсера А.И. Ковригина. Комитет направил своих комиссаров во все воинские части и на все военные объекты, где те установили контроль [2, с. 189]. Комитеты по борьбе с «контрреволюцией» были созданы в Выборге, Або, Таммерфосе, Николайстаде (Вааса), Тавастгусе (Хямеенлинна), Лахти, Фридрихсгаме (Хамина) и других гарнизонах Финляндии. Совет депутатов Або-Оландской укрепленной позиции назначил комиссаров местного революционного комитета в штабы позиции и або-оландского авиационного подразделения, в школу мотористов и в службу связи. Предписывалось, чтобы без их согласия не было отдано ни одно распоряжение, поскольку любой генерал или офицер находился под подозрением.

Дислоцированные в Финляндии армия и флот переставали быть силой, способной предотвратить гражданскую войну. По образному выражению Б.И. Колоницкого, «дело Корнилова» поспособствовало «созданию инфраструктуры гражданской войны»: в обстановке кризиса «ревкомы производили самозахват ресурсов, устанавливали контроль над транспортом и телеграфом, запасами оружия, вводили цензуру» [15, с. 110–111]. Вопреки распространенному в советской историографии утверждению об определяющем влиянии большевистского слова на солдатские и матросские массы в период корниловского выступления, отечественные исследователи давно уже признали, что призывы большевиков к организованности зачастую не имели воздействия. Больше десяти высших офицеров Выборгского гарнизона, и в их числе командир 42-го корпуса генерал В.А. Орановский, стали жертвами солдатского самосуда в Выборге и окрестностях города.

В поступившем в части 29 августа обращении капитана Елизарова, временно избранного на эту командную должность, эксцессы в Выборге названы «печальными событиями», ставшими «результатом бессознательности и неорганизованности» солдат. Как корпусной командир, облеченный доверием

Совета рабочих и солдатских депутатов и армейского комитета, он заявил о недопустимости расстрелов и «самочинных арестов» без ведома полковых, бригадных, дивизионных и армейских комитетов [19, л. 2–2 об.]. Примечательно, что решения об арестах было позволено выносить солдатским комитетам не ниже полкового.

В период подавления корниловского мятежа исполком Гельсингфорского Совета был заменен чрезвычайным органом – Гельсингфорским Революционным комитетом, намного более влиятельным, поскольку в ведении Ревкома оказалась вся территория бывшего Великого княжества. Беспорядочные выступления русских солдат и матросов сыграли свою роль в радикализации национальных устремлений жителей Финляндии [12; 30]. Воздействие русской политической культуры, во многом передававшейся через контакты финляндских социал-демократов с гарнизонными Советами и гарнизонными комитетами, в дальнейшем сказалось и на облике финских красногвардейцев, сохранным на фотографиях периода гражданской войны 1918 г. в Финляндии. Полувоенное облачение, папиросы в зубах и пулеметные ленты через плечо позволяют безошибочно угадывать сторонников будущих красных – участников братоубийственной войны, которая уже стояла на пороге.

Результаты. Весной – летом 1917 г. солдатские и матросские комитеты стали важнейшим фактором, содействовавшим усилению революционного движения в Финляндии. Большинство их депутатов оставались беспартийными. Рядовые военнослужащие нередко делегировали право представлять свои интересы офицерам, пользовавшимся доверием, так в Гельсингфорский Совет первого созыва были избраны охваченные революционными настроениями капитан 2-го ранга И.И. Ренгартен, мичман С.А. Гарин, унтер-офицер Г.Л. Звонарев. В период своего формирования «комитетский класс», обозначившийся в финляндских войсках, разделял взгляды руководства эсеровской и меньшевистской партий. Эти особенности обусловили первоначальное соотношение сил в гарнизонных демократических организациях.

Со времени Апрельского и Июньского кризисов власти деятельность Советов и ко-

митетов под давлением избирателей все больше подчинялась задачам политического характера, основными из которых стали руководство организованными выступлениями солдат и матросов, установление контроля над командным составом, меры по дальнейшей «демократизации» армии и флота. Размежевание политических сил в финляндских войсках, которое обозначилось в этом противостоянии и стало особенно заметным в «корниловские дни», привело к событиям, которые стали «прологом» Гражданской войны в России.

Если в июльские дни 1917 г. конфликт Временного правительства с политическими элитами Финляндии стал элементом кризиса власти в Российском государстве [33, с. 88–98], то корниловский мятеж особенно осложнил ситуацию, усилив сепаратистские настроения финляндцев. Нараставшее противостояние гарнизонных и флотских комитетов и Советов власти Временного правительства, в свою очередь, обусловило ослабление влияния центральной власти в регионе и во многом проложило путь к финляндской независимости.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации» № 121070700117-1.

Financial support for the research was provided from the Federal budget for the implementation of the state task of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences “Karelia under conditions of social transformations in 17-21 Centuries: New approaches and interpretations” № 121070700117-1.

СОКРАЩЕНИЯ

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РСДРП – Российская социал-демократическая партия.

СДПФ – Социал-демократическая партия Финляндии.

ЦКБФ (Центробалт) – Центральный комитет Балтийского флота.

КА – Kansallisarkisto (Национальный Архив Финляндии, коллекция «Русские военные бумаги»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажанов, Д. А. Создание и функционирование судовых комитетов на Балтике в марте – октябре 1917 г.: феномен власти / Д. А. Бажанов // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / отв. ред. А. Б. Николаев. – СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. – С. 156–166.

2. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции / отв. ред. Р. Н. Мордвинов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 454 с.

3. Гаврилов, Л. М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции / Л. М. Гаврилов. – М. : Наука, 1983. – 222 с.

4. Гагкуев, Р. Г. Гражданская война: конфликт без хронологии? / Р. Г. Гагкуев // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 37–42. – DOI: 10.31857/S086956870004218-0.

5. Галили, З. Апрельский кризис / З. Галили // Критический словарь русской революции: 1914–1921 / сост. Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев. – СПб. : Нестор-История, 2014. – С. 71–77.

6. Ганин, А. В. Революционные искания полковника Свечникова / А. В. Ганин // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов. – М. : Модест Колеров, 2020. – Т. XXVIII. – С. 345–456.

7. Дневник И. И. Ренгартена // РГА ВМФ. – Ф. Р-29. – Оп. 1. – Д. 200. – 159 л.

8. Долой! // Волна. – 1917. – 23 апр. – С. 1.

9. Залежский, В. Н. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. / В. Н. Залежский // Пролетарская революция. – 1923. – № 5 (17). – С. 115–189.

10. Звонарев, Г. Л. Наши пехотные части в Гельсингфорсе: (Из личных воспоминаний унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка) / Г. Л. Звонарев. – Гельсингфорс : Тип. «Известий Гельсингфорского Совета», 1917. – 31 с.

11. Зими́на, В. Д. Революция 1917 года в контексте трансформации политической системы в России / В. Д. Зими́на // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века : сб. материалов Всерос. науч. конф. – М. : ИГУМО, 2007. – С. 116–121.

12. Кетола, Э. Русская революция и независимость Финляндии / Э. Кетола // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / отв. ред. В. Ю. Черняев. – СПб. : Глагол, 1994. – С. 294–307.

13. Киуру, М. Х. Боевой резерв революционного Петрограда. Из истории русских большевист-

ских организаций в Финляндии / М. Х. Киуру. – Петрозаводск : Карел. кн. изд-во, 1965. – 223 с.

14. Колоницкий, Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) / Б. И. Колоницкий // *Российская история*. – 2019. – № 1. – С. 3–24. – DOI: 10.31857/S086956870004216-8.

15. Колоницкий, Б. И. 1917: Семнадцать очерков по истории российской революции / Б. И. Колоницкий. – СПб. : Изд-во ЕУ в Санкт-Петербурге, 2017. – 144 с.

16. Колоницкий, Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Б. И. Колоницкий. – СПб. : Дм. Буланин, 2001. – 349 с.

17. Леонов, С. В. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности / С. В. Леонов // *Российская история*. – 2019. – № 1. – С. 3–24. – DOI: 10.31857/S086956870004217-9.

18. Лурье, В. М. Военно-морская разведка СССР (1918–1960-е гг.): справочник / В. М. Лурье. – СПб. : Дм. Буланин, 2009. – 264 с.

19. Материалы следственной комиссии по делу о расстрелах 29 августа солдатами Выборгского гарнизона офицеров, подозревавшихся в сочувствии корниловским мятежникам // РГВИА. – Ф. 2262. – Оп. 8. – Д. 151. – 214 л.

20. Модсли, И. Солдаты и матросы / И. Модсли // *Критический словарь русской революции: 1914–1921* / сост. Э. Акстон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев. – СПб. : Нестор-История, 2014. – С. 558–564.

21. Назаренко, К. Б. Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. / К. Б. Назаренко. – М. : Эксмо, 2017. – 448 с.

22. Панкратов, С. А. Россия и мир в контексте современных векторов политических изменений / С. А. Панкратов, В. А. Горелкин // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 6–9. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.1>.

23. Письма в редакцию «Известий Гельсингфорского Совета» // КА. – Раздел 342: 6. – Д. 11970. – (Листы не нумерованы).

24. Протокол № 1 Исполнительного комитета Гельсингфорского Совета от 22 апр. // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 28 апр. – С. 1–2.

25. Протокол № 2 Общего собрания Гельсингфорского Совета от 21 апр. // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 26 апр. – С. 1.

26. Протокол № 7 Общего собрания Гельсингфорского Совета от 3 мая // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 6 мая. – С. 1–2.

27. Протокол № 26 Общего собрания Гельсингфорского Совета от 24 июня // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 1 июля. – С. 2.

28. Протокол № 31 Общего собрания Гельсингфорского Совета от 6 июля // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 12 июля. – С. 1.

29. Протокол № 51 Общего собрания Гельсингфорского Совета от 26 авг. // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 7 сент. – С. 1–2.

30. Постановление Областного комитета Финляндии // *Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих*. – 1917. – 22 сент. – С. 1.

31. Протокол заседания Совета депутатов флота, армии и рабочих района Ганге-Лапвик от 10 апреля 1917 г. // КА. – Раздел 342: 4. – Д. 3214. – 27 л. – (Листы не нумерованы).

32. Ренгартен, И. И. Балтийский флот накануне Октября / И. И. Ренгартен // *Красный архив*. – 1929. – Т. 4 (35). – С. 5–36.

33. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920 : сб. док. / отв. сост. М. В. Зеленков. – М. : Науч.-полит. кн. : Полит. энцикл., 2017. – 502 с.

34. Рупасов, А. И. Гражданская война в Финляндии / А. И. Рупасов // *Санкт-Петербургский исторический журнал*. – 2018. – № 3. – С. 171–186.

35. Рябова, Л. А. Социальные трансформации: современные методологические подходы к исследованию / Л. А. Рябова // *Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России*. – Апатиты : Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2005. – С. 31–41.

36. Свечников, М. С. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918 годы : (Воспоминания и материалы) / М. С. Свечников. – М. ; Пг. : Госиздат, 1923. – 112 с.

37. Смолин, А. В. Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 года и убийство вице-адмирала А. И. Непенина / А. В. Смолин // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы* / отв. ред. В. Н. Барышников, П. А. Кротов. – СПб. : Изд-во РХГА, 2007. – С. 22–33.

38. Старцев, В. И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 г. / В. И. Старцев. – М. : Мысль, 1978. – 277 с.

39. Ketola, E. Kansalliseen kansanvaltaan : Suomen itsenäisyys, ssaali-demokraatit ja Venäjän vallankumous 1917 / E. Ketola. – Helsinki : Tammi, 1987. – 520 s.

40. Mawdsley, E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet. War and Politics, February 1917 – April 1918 / E. Mawdsley. – London : Macmillan, 1978. – 228 p.

41. Nähri, M. Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana / M. Nähri // Venäläiset Suomessa: 1809–1917. – Historiallinen Arkisto. – Helsinki, 1984. – Vol. 83. – S. 161–180.

42. Wildman, A. K. The Soldiers' Plebiscite: Soviet Power and the Committee Revolution at the Front, October–November 1917 / A. K. Wildman ; Kenan Institute for Advanced Russian Studies. – 1982. – № 163. – 46 p.

REFERENCES

1. Bazhanov D.A. Sozdanie i funkcionirovanie sudovyh komitetov na Baltike v marte – oktjabre 1917 g.: fenomen vlasti [Establishment and Functioning of Ship Committees in the Baltic Fleet in March – October 1917: The Phenomenon of Power]. *Revoljucija 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzglyady* [Revolution 1917 in Russia: New Approaches and Views]. Saint Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena, 2017, pp. 156-166.

2. Mordvinov R.N., ed. *Baltiyskiye moryaki v podgotovke i provedenii Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Baltic Sailors in the Preparation and Fulfillment of the Great October Socialist Revolution]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1957. 454 p.

3. Gavrilov L.M. *Soldatskie komitety v Oktjabr'skoy revolyucii* [Soldiers' Committees in the October Revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 222 p.

4. Gagkuev R.G. Grazhdanskaya voyna: konflikt bez khronologii? [Civil War. Conflict Without Chronology?]. *Rossiyskaya istoriya*, 2019, no. 1, pp. 37-42. DOI: 10.31857/S086956870004218-0.

5. Galili Z. Aprelskiy krizis [The April Crisis]. Acton E., Rozenberg W.G., Cherniaev V.Iu., eds. *Kriticheskiy slovar russkoy revolyutsii: 1914–1921* [Critical Companion to the Russian Revolution 1914–1921]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 71-77.

6. Ganin A.V. Revoljucionnye iskanija polkovnika Svechnikova [Revolutionary Searchers of Colonel Svechnikov]. Ayrapetov O.R., ed. *Russkij sbornik: issledovanija po istorii Rossii* [Russian Collection: Investigations of Russian History]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2020, vol. 28, pp. 345-456.

7. Dnevnik I.I. Rengartena [I.I. Rengarten's Diary]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voyenno-morskogo flota (RGA VMF)* [Russian State Navy Archive (RSNA)], f. r-29, inv. 1, d. 200. 159 l.

8. Doloy! [Down With!]. *Volna* [Wave], 1917, April 23, p. 1.

9. Zalezhskiy V.N. Gel'singfors vesnoj i letom 1917 g. [Helsingfors in Spring and Summer 1917].

Proletarskaja revoljucija [Proletarian Revolution], 1923, no. 5 (17), pp. 115-189.

10. Zvonarev G.L. *Nashi pehotnye chasti v Gel'singforsе: (Iz lichnyh vospominanij unter-oficera Sveborgskogo pehotnogo polka)* [Our Infantry Units in Helsingfors (From Private Recollections of the Officer of the Sveaborg Infantry Regiment)]. Helsingfors, Tipografiya «Izvestiy Gel'singforskogo Soveta», 1917. 31 p.

11. Zimina V.D. Revolyutsiya 1917 goda v kontekste transformatsii politicheskoy sistemy v Rossii [The Revolution of 1917 in the Context of the Transformation of the Political System in Russia]. *Oktyabr 1917 goda: vzglyad iz XXI veka: sb. materialov Vseros. nauch. konf.* [October 1917: A Look from the 21st Century. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Moscow, IGUMO Publ., 2007, pp. 116-121.

12. Ketola E. Russkaja revoljucija i nezavisimost' Finljandii [Russian Revolution and Finland's Independence]. Chernyaev V.Yu., ed. *Anatomija revolyucii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'* [Anatomy of Revolution. 1917 in Russia: Masses, Parties, and Power]. Saint Petersburg, Glagol Publ., 1994, pp. 294-307.

13. Kiuru M.H. *Boevoj rezerv revoljucionnogo Petrograda. Iz istorii russkih bol'shevistskikh organizacij v Finljandii* [Militant Reserve of Revolutionary Petrograd. From History of Russian Bolshevik Organizations in Finland]. Petrozavodsk, Karel'skoe knizhnoe izd-vo, 1965. 223 p.

14. Kolonickij B.I. Ot mirovoy voyny k grazhdanskim voynam (1917?–1922?) [From the First World War to Civil Wars (1917?–1922?)]. *Rossiyskaya istoriya*, 2019, no. 1, pp. 3-24. DOI: 10.31857/S086956870004216-8.

15. Kolonickij B.I. *1917: Semnadsat ocherkov po istorii rossiyskoy revolyutsii* [1917: Seventeen Essays on the History of the Russian Revolution]. Saint Petersburg, Izd-vo EU v Sankt-Peterburge, 2017. 144 p.

16. Kolonickij B.I. *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniju politicheskoy kul'tury rossijskoy revolyucii 1917 goda* [Symbols of Power and Struggle for Power: On the Study of Political Culture of Russian Revolution 1917]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2001. 349 p.

17. Leonov S.V. Grazhdanskaya voyna v Rossii: sushchnost, periodizatsiya, osobennosti [Civil War in Russia: Essence, Periodization, Features]. *Rossiyskaya istoriya*, 2019, no. 1, pp. 3-24. DOI: 10.31857/S086956870004217-9.

18. Lurye V.M. *Voенно-морская разведка SSSR (1918–1960-e gg.): spravochnik* [Naval Intelligence of USSR (1918s–1960s). Reference Book]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2009. 264 p.

19. Materialy sledstvennoy komissii po delu o rasstrelakh 29 avgusta soldatami vyborgskogo garnizona ofitserov, podozrevavshikhsya v sochuvstvii kornilovskim myatezhnikam [Materials of the Investigative Commission in the Case of the executions on August 29 Committed by Soldiers of the Vyborg Garrison of Officers Suspected of Sympathy with the Kornilov Rebels]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)* [Russian State Military Historical Archive (RSMHA)], f. 2262, inv. 8, d. 151. 2141.

20. Modсли I. Soldaty i matrosy [Soldiers and Sailors]. Acton E., Rozenberg W.G., Cherniaev V.Iu., eds. *Kriticheskiy slovar russkoy revolyutsii: 1914–1921* [Critical Companion to the Russian Revolution 1914–1921]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 558–564.

21. Nazarenko K.B. *Baltiyskiy flot v revolyucii. 1917–1918 gg.* [The Baltic Fleet in Revolution. 1917–1918]. Moscow, Eksmo Publ., 2017. 448 p.

22. Pankratov S.A., Gorelkin V.A. Rossiya i mir v kontekste sovremennykh vektorov politicheskikh izmeneniy [Russia and the World in the Context of Modern Vectors of Political Change]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 6–9. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.1>.

23. Pis'ma v redakciju «Izvestij Gel'singforsskogo Soveta» [Letters to Editorship of “The Helsingfors Soviet Proceedings”]. *KA* [National Archive of Finland], 342: 6, d. 11970. (Sheets are unnumbered).

24. Protokol № 1 Iсполnitelnogo komiteta Gelsingforsskogo Soveta ot 22 apr. [Protocol No. 1 Dated April 22 of the Executive Committee of the Helsingfors Soviet]. *Izvestiya Gelsingforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, April 28, pp. 1–2.

25. Protokol № 2 Obshchego sobraniya Gelsingforsskogo Soveta ot 21 apr. [Protocol No. 2 Dated April 21 of the Plenary Meeting of the Helsingfors Council]. *Izvestiya Gelsingforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, April 26, p. 1.

26. Protokol № 7 Obshchego sobraniya Gelsingforsskogo Soveta ot 3 maya [Protocol No. 7 Dated May 3 of the Plenary Meeting of the Helsingfors Council]. *Izvestiya Gelsingforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, May 6, pp. 1–2.

27. Protokol № 26 Obshchego sobraniya Gelsingforsskogo Soveta ot 24 iyunya [Protocol

No. 26 Dated June 24 of the Plenary Meeting of the Helsingfors Council]. *Izvestiya Gelsingforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, July 1, p. 2.

28. Protokol № 31 Obshchego sobraniya Gelsingforsskogo Soveta ot 6 iyulya [Protocol No. 31 Dated July 6 of the Plenary Meeting of the Helsingfors Council]. *Izvestiya Gelsingforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, July 12, p. 1.

29. Protokol № 51 Obshchego sobraniya Gelsingforsskogo Soveta ot 26 avg. [Protocol No. 51 Dated August 26 of the Plenary Meeting of the Helsingfors Council]. *Izvestiya Gelsingforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, September 7, pp. 1–2.

30. Postanovlenie Oblastnogo komiteta Finljandii [Resolution of the Regional Committee in Finland]. *Izvestiya Gel'singforsskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochih* [The Helsingfors Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings], 1917, September 22, p. 1.

31. Protokol zasedaniya Soveta deputatov flota, armii i rabochih rajona Gange-Lapvik ot 10 aprelya 1917 g. [Protocol of the Gange-Lapvik Region Soviet of Army, Fleet and Workers' Proceedings Dated April 10, 1917]. *KA* [National Archive of Finland], 342: 4, d. 3214. 271. (Sheets are unnumbered).

32. Rengarten. I.I. Baltiyskiy flot nakanune Oktyabrya [The Baltic Fleet on the Eve of October]. *Krasnyy arkhiv* [Red Archive], 1929, vol. 4 (35), pp. 5–36.

33. Zelenov M.V., ed. *Rossija i Finljandija: ot protivostojaniya k miru. 1917–1920: sb. dok.* [Russia and Finland: From Standing in Opposition to Peace. 1917–1920. Collection of Documents]. Moscow, Nauchno-politicheskaja kniga Publ., Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2017. 502 p.

34. Rupasov A.I. Grazhdanskaja vojna v Finljandii [The Civil War in Finland]. *Sankt-Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Saint-Petersburg Historical Journal], 2018, no. 3, pp. 171–186.

35. Ryabova L.A. Sotsialnyye transformatsii: sovremennyye metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu [Social Transformations: Current Methodological Approaches to Research]. *Chelovek v sotsiokulturnom prostranstve: Evropeyskiy Sever Rossii* [Man in Socio-Cultural Space: Russian European North]. Apatity, Izd-vo Kolskogo nauch. tsentra RAN, 2005, pp. 31–41.

36. Svechnikov M.S. *Revoljucija i grazhdanskaja vojna v Finljandii. 1917–1918 gody: (Vospominaniya i materialy)* [Revolution and Civil War in Finland. 1917–1918 (Recollections and Materials)]. Moscow, Petrograd, Gosizdat Publ., 1923. 112 p.

37. Smolin A.V. Vosstanie v Gel'singforsе 3–4 marta 1917 goda i ubijstvo vice-admirala A.I. Nevenina [Uprising in Helsingfors on March 3–4, 1917 and Murder of Vice-Admiral A.I. Nevenin]. Baryshnikov V.N., Krotov P.A., eds. *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy* [Saint Petersburg and States of Northern Europe]. Saint Petersburg, RKhGA, 2007, pp. 22–33.

38. Startsev V.I. *Revoljutsiya i vlast: Petrogradskiy Sovet i Vremennoye pravitelstvo v marte – aprele 1917 g.* [Revolution and Power: Petrograd Soviet and Provisional Government in March – April 1917]. Moscow, Mysl Publ., 1978. 277 p.

39. Ketola E. *Kansalliseen kansanvaltaan: Suomen itsenäisyys, ssaali-demokratit ja Venäjän vallankumous 1917*. Helsinki, Tammi, 1987. 520 p.

40. Mawdsley E. *The Russian Revolution and the Baltic Fleet. War and Politics, February 1917 – April 1918*. London, Macmillan, 1978. 228 p.

41. Nähri M. Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana. *Venäläiset Suomessa: 1809–1917*. Historiallinen Arkisto. Helsinki, 1984, vol. 83, pp. 161–180.

42. Wildman A.K. *The Soldiers' Plebiscite: Soviet Power and the Committee Revolution at the Front, October–November 1917*. Kenan Institute for Advanced Russian Studies, 1982, no. 163. 46 p.

Information About the Author

Elena Yu. Dubrovskaya, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Pushkinskaya St, 11, 185910 Petrozavodsk, Russian Federation, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Информация об авторе

Елена Юрьевна Дубровская, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, ул. Пушкинская, 11, 185910 г. Петрозаводск, Российская Федерация, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>